

ПРЕМЬЕРА

Моск. ко-
вост. - 1999 -
21 дек. - с. 23

В Большом театре российский дирижер № 1 осуществил свою мечту — поставил «Псковитянку» Николая Римского-Корсакова.

Сцена
из «Псковитянки»

МИХАИЛ ПУТЕРМАН

Светланов и «гангстеры»

Странная она, эта опера. Ни одного выигрышного вокального «хита», сколько-нибудь запоминающегося инструментального эпизода. Но цельность музыкальной драматургии приближает «Псковитянку» к «Борису Годунову» и «Хованщине», вместе с которыми ее возил в Париж Дягилев. Светланов не устает напоминать об этом тем, кто не понимает достоинств первой оперы Римского-Корсакова, без обиняков причисляя их в премьерном буклете к «гангстерам нотного стана». Право мастера — который шел к самостоятельной постановке «Псковитянки» 44 года.

Влюбленность Евгения Федоровича в эту партитуру, в ее тембровые переключки и связи тем между частями невероятна. И Светланов не только блистательно выстраивает драматургию оперы, но и выискивает в «Псковитянке» потаенные смыслы. Вплоть до самых неожиданных — как, например, фугато из вступления, где несколько пряных гармоний дали дирижеру возможность трактовать его в легком, откровенно симфо-джазовом духе. Или самых трагичных — когда в конце первого акта Светланов почти кинематографически соединяет два оркестровых пласта, иллюстрирующие раскол Пскова перед войсками Ивана Грозного... Оркестру такого рода подчинение, от которого музыканты успели отвыкнуть, оказалось более чем желанным.

На фоне драматургической убедительности оркестра традиционная постановка Иоакима Шароева и откровенно «не впетые» голоса солистов Большого со всей очевидностью выявляют системный кризис в театре. Похоже, оперная труппа ГАБТа восприняла свой успех на английских гастролях, куда возила спектакли «русского большого стиля», как индульгенцию для музейных постановок на будущие времена. Во всяком случае, мнение Евгения Светланова: «История Ивана Грозного, пришедшего во Псков, вполне современна нынешнему безвременью», — постановщиком, судя по всему, не поддерживается. Никаких попыток актуализации действия или хотя бы минимального его оживления; на сцене — те же, что и много лет назад, наспех разыгранные девичники, расписные кокошники и трясущиеся над головами топоры, реалистично-условные декорации Сергея Бархина и живые кони, на которых выезжает Иван Васильевич со товарищи. Скучно.

Грозный в исполнении Вячеслава Почапского заставляет вспомнить избитую цитату из старого французского путеводителя по Кремлю: «Царь Иван IV Грозный, прозванный за свою беспримерную жестокость Васильевичем». Ни державности, ни быстрой, почти шизофренической смены настроений монарха — которая очень точно отражена в партитуре Римского-Корсакова — в игре Почапского нет. И чем этот с апломбом передвигающийся по сцене Васильевич грозен (кроме нескольких вялых движений хрестоматийным посяхом за весь спектакль) — тоже непонятно. В отсутствие центрального персонажа сценической драматургии не на чем держаться — массовые сцены, в отдельности поставленные добротны, так и остаются набором массовых сцен. А это значит, что ряды «гангстеров», недооценивших «Псковитянку», после новой ее постановки будут множиться. К вящему сожалению Евгения Федоровича — который сделал все, чтобы поставить первую оперу Римского-Корсакова на должное место среди русских шедевров.

Юрий ВАСИЛЬЕВ

61